

**Перестройка:
двадцать лет спустя**
(Доклад Горбачев-Фонда)

Москва
2005 год

На протяжении веков российское государство занимало далеко не последнее место на карте мира. И все-таки в XX веке вклад России в мировую историю оказался более значительным, чем когда бы то ни было. Начало веку положила Великая русская революция. Он был отмечен Победой над фашизмом, в которой огромная заслуга принадлежит Советскому Союзу. А завершением века стала перестройка — событие, коренным образом изменившее страну и мир.

Подобно Октябрьской революции, перестройка и сегодня остается предметом острых дискуссий. Однако кардинальные различия в оценках и интерпретациях не ставят под сомнение её статус важнейшего события конца XX века. Поворот был совершен не только в отечественной, но и в мировой истории. Достаточно напомнить, что был положен конец смертельно опасному противостоянию двух сверхдержав.

История не знает сослагательного наклонения: перестройка навсегда вписана в нее как смелая попытка решительного перехода от модели «государственно-бюрократического социализма» к подлинно демократическому, справедливому и гуманному социальному устройству. Этот ее потенциал еще далеко не исчерпан, он может быть востребован и нашей страной, и человечеством.

Пройденный за 20 лет путь позволяет сегодня взглянуть на перестройку более взвешенно и объективно. Такому подходу и следует данный доклад. Понятно, что любая оценка явления такого масштаба не может быть исчерпывающей. Ставя принципиальные вопросы, мы не претендуем на их окончательное разрешение.

Необходимость обновления общества

Ситуация, сложившаяся в Советском Союзе к середине 80-х годов, характеризовалась опасным нарастанием серьезных проблем и трудностей во всех сферах жизни.

Отставание СССР в мировой технологической конкуренции становилось все более ощутимым. Наиболее развитые страны мира уже вступили в постиндустриальную эпоху, а Советский Союз задержался на предыдущей — индустриальной — стадии развития. Почти до нулевой отметки упали темпы экономического роста, производительность труда была в несколько раз ниже, чем в западных странах.

Отечественная экономика приобрела расточительно-затратный характер: превосходя многих по добыче полезных ископаемых, по объемам про-

изводства чугуна, стали, электроэнергии и т.д., СССР резко отставал по выпуску конечной продукции, не говоря уже о ее качестве. Гражданские сектора производства испытывали непомерное давление военно-промышленного комплекса.

Самая богатая ресурсами страна мира оказалась не в состоянии создать достойные условия жизни для своих граждан. Неповоротливая советская экономика не могла удовлетворить меняющиеся потребности людей; хронические дефициты душили производство и общество.

Состояние экономики, социальной среды и нравственности в брежневские времена пагубно влияло на настроения людей, на духовное состояние общества. С одной стороны, распространялись пессимизм и откровенный цинизм, с другой — возникало чувство «обиды за державу», росло недовольство общим политическим курсом. И хотя социально-политическая ситуация казалась стабильной, в обществе нарастало скрытое напряжение. Раньше или позже оно должно было вырваться на поверхность. Пресловутое российское долготерпение грозило обернуться не менее известным российским бунтом, или привести к постепенному вырождению и угасанию нации.

Негативные социально-экономические факторы ослабляли внешнеполитические позиции и подрывали международный престиж Советского Союза. Блоковое противостояние, гонка вооружений все дальше заводили человечество в опасный тупик.

Угроза ядерного апокалипсиса побуждала искать неординарные пути выхода из этой ситуации. Развязать гордиев узел можно было, лишь изменив сложившийся конфронтационный миропорядок.

Таким образом, совокупность факторов — материальных и духовных, экономических и социально-политических, внутренних и внешних — объективно диктовала необходимость реформ.

Прежние попытки преобразований — XX съезд партии и хрущевская «оттепель», косыгинская реформа, некоторые другие меры частного характера — не дали ожидаемого результата. Советская система обладала немалым инерционным запасом прочности. Даже в случае неудачи попыток динамизации советской экономики «андроповскими» методами СССР мог бы еще долго существовать в прежнем виде. Вместе с тем общество хотело перемен. Люди чувствовали: так дальше жить нельзя. Они не хотели жить в несвободе. Даже репрессивный аппарат не мог предотвратить эрозию официальной идеологии, помешать зарождению инакомыслия.

Со временем стремление к политической, социальной и экономической демократии приняло массовый характер.

В этом смысле деятельность реформаторов в высшем партийно-советском руководстве, выступивших генератором преобразований, отражала

глубинную общественную потребность в переменах, что составило социально-психологическую основу перестройки.

Магистральное направление перемен виделось большинству советских людей в реформировании существовавшей в СССР формы социализма. Опросы общественного мнения даже в конце 80-х годов показывали, что сторонники перехода к капитализму находились в явном меньшинстве. Наиболее популярной оставалась идея «очищения социализма» от деформаций (коррупции, несправедливости в распределении материальных благ, антиобщественных проявлений и т.д.). В этом смысле перестройка явилась продолжением и развитием идеалов справедливости, равенства и братства времен Октябрьской революции и в то же время отрицанием постреволюционной тоталитарной практики и идеологии сталинизма.

Глубокое обновление политики требовало «смены вех» и среди высшего руководства страны. Геронтократия в Кремле вызывала растущее раздражение граждан. Михаил Горбачев как лидер партии и государства воспринимался ими как представитель нового, послесталинского поколения советских руководителей, которому не свойственны идеологическая зашоренность и подозрительное отношение к независимой инициативе.

Здоровый прагматизм у Горбачева сочетался с готовностью внести в советскую политику утраченное ею нравственное измерение. Глубоко моральная позиция Горбачева проявлялась в том, что на крутых поворотах перестроечной эпопеи он стремился решать даже самые острые проблемы мирным путем, принципиально избегая кровопролития. Благодаря ему в отечественной политике возродился демократический стиль прямого, открытого, честного общения с людьми, присущий подлинным представителям российской интеллигенции.

Новый генсек не был одинок в своей решимости кардинально изменить положение дел в стране. Он пользовался поддержкой абсолютного большинства народа, который приветствовал перестройку.

В то же время новое руководство могло рассчитывать на относительно устойчивую поддержку двух групп отечественной бюрократии. Одна из них — партийные интеллектуалы, чьи взгляды сформировались под сильным влиянием хрущевской «оттепели». В идеологическом плане они тяготели к «социализму с человеческим лицом» — концепции, отчасти навеянной идеями конвергенции капитализма и социализма. Для них перестройка означала уникальную возможность продолжить позитивные изменения, начатые в годы правления Н.Хрущева и прерванные рецидивом сталинизма в период брежневского застоя.

К другой группе принадлежали «технократы» — управленцы советской экономики, которые трезво оценивали ее реальное состояние, пони-

мали, что Советский Союз фактически «прозевал» технологическую революцию 70-х годов и видели в реформах рыночного типа возможность повышения эффективности советской системы. У реформ было немало потенциальных сторонников в госаппарате, отдававших себе отчет в том, что мировой баланс сил менялся не в пользу СССР.

Принципиально важно отметить, что в разработке и осуществлении перестроечного поворота не участвовали (или их участие было незначительным) те группировки советской номенклатуры, для которых движение к рынку стало возможностью конвертации власти в собственность. Политически это течение стало интенсивно оформляться позднее, когда шаг за шагом начали осуществляться меры по экономической либерализации, когда были созданы кооперативы, приняты законы о государственном предприятии, об аренде, развернуто научно-техническое творчество молодежи (НТТМ), открылась дорога к частному предпринимательству.

Если брать основные группы и слои общества, то они буквально требовали перемен.

Логика развития перестройки

В самом общем виде логику перестройки можно определить так: это были реформы сверху с целью кардинального обновления системы, которые переросли в массовое движение снизу. В концептуальном плане магистральную линию перестройки составила идея перехода от авторитарно-бюрократического социализма к его гуманистической модели, чьи контуры были очерчены в мировой социалистической мысли.

Таким образом, в российской истории перестройка предстает одновременно уникальным явлением и воплощением ее глубоких закономерностей. Уникальность состояла в том, что впервые в отечественной истории перед Россией/Советским Союзом открылась реальная перспектива мирной трансформации в страну с демократической политической системой и рыночной экономикой. Хотя начальный импульс этой трансформации исходил сверху, принципиально новым явлением была сознательная политика руководства страны, направленная на вовлечение в историческое творчество миллионов людей, на раскрепощение народной инициативы, на уважительное отношение к мнению рядового человека. Перестройка как общенациональный проект не имела бы шансов на успех, если бы не широкая и устойчивая массовая поддержка снизу.

Внутренняя диалектика перестройки состояла в том, что гласность и демократизация, поначалу рассматривавшиеся реформаторами скорее инструментально, как средства для «ремонта» существующего социализ-

ма, вскоре по мере того, как набирало силу новое понимание социализма как гуманистического и демократического строя, превратились в самодостаточные цели: гласность преобразовалась в свободу слова, демократизация — в политическую демократию. Инициированная реформаторами социально-политическая динамика приобрела, таким образом, собственную логику развития. Пик демократических преобразований в СССР пришелся на конец 80-х годов. Именно тогда общественная самодеятельность стала принимать массовый, нередко спонтанный характер.

Сравнение перестройки с революцией закономерно. Но в то же время это была революция, которую сознательно удерживали — и которую удалось удержать — в мирных рамках.

Инициаторы перестройки стремились направить накопившуюся, не востребованную прежде энергию масс в русло созидания и социального творчества. И все же, несмотря на позитивные устремления части элиты и большинства общества, развернувшиеся в стране процессы столкнулись с серьезными трудностями.

По мере того, как советская номенклатура обнаруживала в перестройке угрозу своим доминирующим позициям в отечественной идейно-политической и социоэкономической системе, она начала все активнее препятствовать кардинальному обновлению страны, пытаясь выхолостить смысл реформы, превратить ее в очередную технократическую (а еще лучше — косметическую) новацию, не затрагивающую глубинных основ общественного бытия.

Реформаторы фактически столкнулись с саботажем большинства советского правящего слоя. После всплеска «проперестроечной» гражданской активности 1987-1989 гг. интеллигенция — как элитарная, так и массовая — под воздействием материальных трудностей, нарастания национальных и социальных противоречий в обществе стала не просто отворачиваться от Горбачева, но переходить в радикальную оппозицию к нему.

В ходе перестройки существовали и боролись три главные политические силы. Прежде всего, последовательные сторонники политики перестройки, которые шли за Горбачевым с лозунгом демократического обновления социализма. Это от их имени поэт Евтушенко говорил тогда, что «мы все в партии Перестройка». Сторонникам перестройки противостояли консервативные круги в партии и интеллигенции, которые, в конечном счете, поддержали ГКЧП. Их тогда называли «правыми» и это было верно, ибо они выступили охранителями государственно-бюрократической, сталинистской модели социализма, от которой всячески пытались избавиться перестройщики. Это сила сначала пассивно, а затем активно, вплоть до августовского путча, сопротивлялась перестроечным процессам. Нако-

нец, третьей, по счету, но не по значению, силой были люди, которые группировались вокруг президента РСФСР Бориса Ельцина. Они критиковали перестройщиков сначала за медлительность преобразований, за что и получили название «авангардистов». В конечном итоге, они потребовали как можно быстрее покончить с «социалистическим экспериментом». Эта была точка зрения радикальных неолибералов, реализовавших позднее политику «шоковой терапии» в России.

Эти три силы и определяли динамику перестройки: ее успехи, противоречия и поражение. Во время путча все эти силы сыграли свою роль. Инициаторы путча решили повернуть страну к доперестроечным временам. Сопротивление сторонников перестройки, демократических сил сорвало эти планы. Но в итоге на волне демократического сопротивления путчистам пришли к власти неолибералы, которые сделали все от них зависящее, чтобы покончить с властью Горбачева и самой перестройкой.

Для объективности следует отметить, что отношение руководства ряда западных стран к перестройке всегда оставалось противоречивым, что проявилось, в частности, на встрече руководителей стран «семерки» с участием СССР в июле 1991 года. Тогда была упущена возможность оказать перестройке реальную поддержку.

В результате действия самых разных антиперестроечных сил, между которыми в идеологическом отношении не было ничего общего, оказались направленными против союзной государственности и ее воплощения — центральной власти. Как это ни парадоксально, в едином антигосударственном порыве объединились националисты, радикальные демократы и коммунистические консерваторы. Под воздействием этих сил на заключительном этапе перестройки события приобрели разрушительный характер. Перестройка оборвалась.

Перестройка в мировом контексте

Перестройка была прежде всего ответом на назревшие потребности советского общества с его проблемами и неразрешенными противоречиями. Вместе с тем в ней отразились и более широкие процессы, характерные для мирового развития в последней четверти прошлого века. В условиях все более взаимосвязанного и взаимозависимого мира перестройка испытывала на себе воздействие этих процессов и одновременно сама влияла на них.

Существовала отчетливая, хотя далеко не линейная взаимосвязь преобразований в СССР и европейских странах — членах «социалистического содружества». Хотя первоначальный импульс изменениям в этих странах был дан советской перестройкой, вскоре в силу ряда внутренних и вне-

шних причин они встали на путь разрыва с навязанной им моделью государственно-бюрократического социализма. В свою очередь, «бархатные» революции способствовали драматическому усилению радикальных настроений в Советском Союзе

В более широком плане перестройка вписывается в «третью волну демократических революций», которая прокатилась в середине 70-х годов по Европе (Греция, Испания, Португалия), а в следующем десятилетии перекинулась на Западное полушарие. Перестройка подхватила эту эстафету и вернула ее в Европу, в восточную часть континента, ранее наглухо отгороженную от мира «железным занавесом».

Параллельно развивался другой, еще более всеобъемлющий процесс, который приобрел известность под наименованием «глобализация». В 80-е-90-е годы практически все страны оказались перед необходимостью адаптации к этому процессу. Основными его чертами были усиление взаимозависимости стран, революция в сфере информации и связи, переход к постиндустриальному укладу в экономике, меняющаяся роль государства.

В своей внешней проекции перестройка могла выступить в качестве проекта, альтернативного господствующей неолиберальной версии глобализации. В перестроечной концепции намного сильнее выражены социальные мотивы, она ставит во главу угла не максимализацию прибыли, а развитие человеческой личности, ее «картина мира» строится на балансе интересов, а не силовых потенциалов. Пока существовал Советский Союз, эта перспектива международного развития после окончания «холодной войны» имела солидную базу поддержки. Тупики неолиберальной модели, проявившиеся в последнее десятилетие, свидетельствуют о том, что необходимость в таком проекте сохраняется.

Таким образом, перестройка вступала в активное взаимодействие с наиболее значимыми процессами международного плана. Она породила эффект резонанса, стимулировала перспективные тенденции общественного развития. Перестройка возвращала страну на стремнину мировых процессов. Она сыграла решающую роль в выходе из взрывоопасной конфронтации, характеризовавшей мировое развитие на протяжении фактически всего послевоенного периода.

Отношения внешнего мира к перестроечным процессам было столь же разноплановым и многообразным, как и он сам. Перестройка по-разному виделась из западных столиц, из стран бывшего социалистического лагеря, из развивающихся государств. У одних она вызывала удивление, у других — надежду, у третьих — злорадное ожидание неминуемого провала. Но нигде она не прошла незамеченной, никого не оставила равнодушным.

Напротив, она вызвала лавинообразный рост интереса к Советскому Союзу, пробудила уважение к советским людям.

Внешний контекст перестройки определялся той ролью, которую играл СССР на международной арене, и остротой противостояния, существовавшего в мире к середине 80-х годов. Будучи одним из двух полюсов этого противостояния, Советский Союз нес на своих плечах бремя непомерных глобальных обязательств, тратил колоссальные средства на производство вооружений, на помощь союзникам, втягивался в дорогостоящие и кровопролитные конфликты, причем не только в сопредельных странах, например в Афганистане, но и за тысячи километров от своей территории.

К моменту прихода нового руководства у Советского Союза были проблемные отношения фактически со всеми наиболее влиятельными государствами (США, Китай, Япония, Великобритания), а ситуация на переговорах, которые могли бы облегчить бремя гонки вооружений, была тупиковой. Остро ощущалась несостоятельность инерционной внешней политики, которую на протяжении десятилетий проводило советское руководство.

Выдвинув на XXVII съезде КПСС принципиальный тезис о взаимосвязанности и взаимозависимости мира, новое советское руководство не ограничилось миролюбивой риторикой. Оно предложило конкретную программу выхода из холодной войны и перевода международных отношений на рельсы реального сотрудничества. Заявленное с самого начала в беседах с руководителями стран Восточной Европы положение об ответственности руководства каждой из них перед своими народами, а также сформулированный позднее принцип свободы выбора предопределили отказ СССР от вмешательства в дела членов Варшавского Договора, вернули судьбу этих стран в руки их народов.

На протяжении неполных семь лет отношение к перестройке сильно менялась по мере ее развития и углубления.

Сначала ее не принимали всерьез, считая очередным пропагандистским трюком Кремля. Затем с трудом и сомнениями начали верить в основательность нового курса советского руководства. Потом горячо поддерживали, даже защищали от враждебных нападок. И, хотя позиция руководства ряда западных держав, в особенности США, в отношении советских реформ была в 1990-1991 гг. достаточно амбивалентной, значительная часть мирового общественного мнения искренне сожалела о трагическом финале перестройки. И это понятно: с прекращением перестройки у многих людей рассеялись надежды на коренное обновление мира, на демократический прорыв в будущее.

Что дала перестройка стране и миру?

В последнее время стали модными два противоположных мифа о перестройке. Первый миф рассматривает ее как «смутное время», для которого характерны, в основном, разрушительные процессы, нацеленные на уничтожение традиционного российского государства. Второй миф, напротив, считает эту традиционную систему настолько прочной, что она якобы не поддавалась никаким радикальным реформам, а потому, мол, перестройка была заранее обречена на поражение.

Оба эти мифа противоречат исторической действительности, призваны принизить исторические достижения перестройки, давшей толчок демократическому обновлению страны и всего мира.

Конечно, перестройке, как и любой революции, были присущи элементы разрушения. Не свободна она и от упущений, ошибок в политике. Но не это определяет специфическое содержание обновленческих процессов второй половины 80-х годов. Перестройку следует оценивать не по тому, чего она не смогла или не успела дать обществу, а по ее позитивному историческому вкладу, по реальным изменениям, которые она внесла в жизнь советского общества, в условия существования простых людей.

И здесь ее историческое значение трудно переоценить.

Начав перестройку под знаком возрождения и реализации ленинских идей времен НЭПа, реформаторы позднее перешли к глубокому преобразованию всех сфер советского общества, начиная с идеологии, и кончая экономикой.

В духе традиций XX съезда партии реформаторы категорически осудили репрессивный сталинский режим власти, как противоречащий демократическим идеалам и гуманистическим ценностям социализма. Исходя из этой установки, началось активное освобождение от тоталитарного идейно-политического наследия сталинской эпохи. За годы перестройки были реабилитированы сотни тысячи узников ГУЛАГа.

Постепенно происходило освобождение советского общества и от остатков тоталитаризма застойного периода. Административно-командная система эпохи «развитого социализма», тесно связанная с именем Брежнева заменялась системой социал-демократического характера, инициируемой Горбачевым и его окружением. Уже в первые годы перестройки демократии в стране стало намного больше, чем прежде. Атмосфера первого съезда народных депутатов, появление остро критических статей в СМИ, независимые программы на ТВ, многотысячные митинги и демонстрации граждан, требовавших большей гласности и свободы — тому характерное подтверждение. Люди приветствовали выход в свет ранних работ Маркса,

пронизанных идеей гуманизма. Были переизданы остро критические произведения Солженицына, Твардовского, Рыбакова, Шатрова. Снят запрет с диссидентской и эмигрантской литературы, люди получили свободный доступ к трудам зарубежных ученых, дореволюционных историков и философов.

Бытует мнение, что перестройка не имела четкого плана действий, что реформаторы не знали, куда должно идти советское общество. Это мнение противоречит фактам. Основная идея концепции перестройки состояла в освобождении общества от деформаций и последствий «культы личности», застойного периода, от всего того, что тормозило демократическое обновление. Сердцевиной этой идеи было возвращение человека как главной фигуры в политику, экономику и духовную сферу, преодоление его отчуждения от производства, власти и культуры.

Реализация этой концепции постепенно вела к тому, что перестройка обретала социал-демократический характер. Об этом свидетельствуют шаги, направленные на создание в стране смешанной социально ориентированной экономики, преобразования в политической сфере общества, и, разумеется, разработанный к несостоявшемуся XXIX съезду партии новый социал-демократический по сути, проект реформирования КПСС.

Перестройка обеспечила выход страны из тоталитаризма, покончив с монополией одной партии и идеологии, открыла советскому обществу демократическую перспективу. Были осуществлены такие «нетрадиционные» для СССР политические права и свободы, как свобода собраний, митингов и демонстраций, создание политических организаций и партий, беспрепятственный выезд граждан за границу, реальное обеспечение свободы совести.

Плюрализм в политике и свободная экономика, свобода вероисповедания и многопартийность, демократические выборы, отмена цензуры — эти и другие свободы, права, возможности были привнесены в нашу жизнь перестройкой. Даже если они не реализованы в полной мере, движение в этом направлении, начатое перестройкой, неостановимо.

Началась не на словах, а на деле реализация основных прав и свобод человека. Впервые в истории России были проведены альтернативные выборы в высшие органы власти. По сути дела, в стране возникла политическая система, использующая принципы парламентаризма.

Радикальные перемены коснулись экономической сферы. Среди критиков перестройки распространено мнение, что экономическим преобразованиям того времени не хватало радикализма, решительности и последовательности, что они были направлены не на создание нового хозяйственного уклада, а на попытку усовершенствования прежней неэф-

фективной системы. Согласно этой точке зрения, именно экономические неудачи перестройки предопределили ее поражение.

Подобные оценки исторически некорректны. Спору нет, советские реформаторы искренне стремились вдохнуть новую жизнь в существующую систему. Однако они не были догматиками. Их планы и действия шли гораздо дальше идеи укрепления административно-командной экономики. Экономическая логика перестройки развивалась как раз по линии постепенного демонтажа планово-административной системы хозяйства, создания фундамента рыночных отношений.

Через аренду, организацию кооперативов, развитие сети научно-технического творчества молодежи (НТТМ), предоставление экономической самостоятельности государственным предприятиям, учреждение коммерческих банков, введение оптовой торговли и договорных цен, замену директивного планирования индикативным шаг за шагом шло формирование инфраструктуры рыночной экономики.

При этом советское руководство, учитывая культурные традиции страны, а также сильное влияние антирыночных настроений в обществе, стремилось осуществлять нововведения таким образом, чтобы не разрушать до поры до времени худо-бедно функционировавший, привычный административно-плановый уклад. В этом смысле важнейшей вехой стало законодательное признание частной собственности (1990 г.). В то же время понятен отказ руководства страны от радикального проекта рыночного реформирования экономики — программы «500 дней», тем более что альтернативная правительственная программа характеризовалась отчетливо выраженной рыночной направленностью.

В стране начала складываться социально ориентированная рыночная экономика. Наряду с колхозами и совхозами возникли арендные предприятия и фермерские хозяйства. Появились тысячи кооперативов.

Многое было сделано для утверждения экономической демократии: начали функционировать советы трудовых коллективов, проводились выборы директоров предприятий, развивалось производственное и местное самоуправление. После всеобщего референдума о сохранении Союза в повестку дня был поставлен вопрос о новом Союзном договоре, существенно расширяющем самостоятельность и права союзных республик.

В международном плане перестройка означала выстраданный отказ горбачевского руководства от деления мира на «своих» и «чужих», от обособленного, замкнутого существования самоизолировавшихся социалистических государств, от маниакального стремления навязать свой образ жизни окружающему миру. Она дала стимул широкому диалогу о новых принципах мироустройства.

Перестройка надолго, может быть навсегда, отвела от человечества угрозу ядерного Армагеддона. Советское руководство протянуло руку западным партнерам по переговорам, внося предложения о радикальном сокращении ядерных и обычных вооружений, заявив о готовности к обсуждению любых проблем. После женевской встречи руководителей СССР и США начался сложный процесс преодоления взаимного недоверия.

За шесть лет не удалось, да и невозможно было, до конца избавиться от наследия холодной войны, но сама она ушла в прошлое. СССР и США устами своих лидеров заявили на Мальте, что более не рассматривают друг друга как противников. Были подписаны первые в истории договоренности о реальном сокращении и уничтожении ядерных вооружений. В мирных условиях произошли объединение Германии, революции в странах Центральной и Восточной Европы. Советские войска ушли из Афганистана. Региональные конфликты в Африке, Центральной Америке, Юго-Восточной Азии перестали быть объектом глобальной конфронтации, что позволило найти пути их урегулирования. Принципиальное значение имела единая позиция, занятая ведущими державами, включая СССР, в отношении агрессии режима Саддама Хусейна против Кувейта. Взаимодействие в преодолении этого кризиса открыло перспективы сотрудничества в ближневосточном урегулировании. Были нормализованы советско-китайские отношения, что положило конец конфликту, на протяжении десятилетий отравлявшему отношения между великими народами.

Уже этот, далеко не полный перечень достижений перестройки полностью опровергает распространенное мнение о том, что советская система не поддавалась реформированию и потому, дескать, реформаторы не могли достигнуть своих конечных целей. На наш взгляд, подобное мнение во многом субъективно. Во-первых, очевидно, что в ходе перестройки были осуществлены многие ее цели. Во-вторых, не следует забывать, что перестройка была искусственно прервана роспуском Советского Союза, который инициировали сепаратистски настроенные руководители трех союзных республик, отказавшиеся подписать новый Союзный договор, подготовленный ими же вместе с Горбачевым.

Кто и почему развалил Союз

Ура-патриоты и неосталинисты рьяно доказывают, что Советский Союз развалили Горбачев и его перестройка. Таким образом отвлекается внимание от подлинных виновников развала державы в лице «беловежских сидельцев» Ельцина, Кравчука и Шушкевича.

На самом деле, реформируя Союз, Горбачев хотел одного: превратить его в подлинную, действенную федерацию, органически сочетающую сильный центр и независимые самостоятельные республики. Не секрет, что Советский Союз был построен на порочной сталинской идее автономизации, полностью подчиняющей национальные республики центру. Перестройка хотела покончить с такой национальной политикой.

Конечно, на счету прежнего Союза были не только потери, но и весомые достижения. Как ни парадоксально, в формулировке партийных форумов: «национальный вопрос, доставшийся от прошлого, в СССР решен» — была доля истины. Исторической заслугой СССР явилось приобщение многих народов к достижениям мировой цивилизации, выравнивание уровней их развития. В то же время, вопреки принципам федерализма, республики полностью находились под властью центра. Были допущены и другие серьезные просчеты и ошибки в проведении национальной политики, болезненно сказывались последствия жестоких сталинских репрессий против целых народов. Из этих отравленных семян реальных и мнимых притеснений и обид выросли со временем гроздь гнева и ненависти.

Судьбоносным вызовом стала новая реальность — становление вызревших в лоне Советского Союза благодаря политике федерального центра национальных протогосударств — союзных республик с амбициозными местными элитами. Произошло смешение национальной и федеративной проблематики. Развязать этот тугой узел проблем, амбиций и противоречий можно было только путем решительной модернизации советского федерализма, придания ему современного облика.

Перестройка, безусловно, стимулировала рост национального самосознания в республиках. Однако реформаторы и интеллектуальная элита Советского Союза оказались неподготовленными к столь явным проявлениям националистических предрассудков, раскола, вражды. Власть реформаторов не сумела остановить разрушительную деятельность сепаратистов.

На фоне подъема национальных движений в союзных республиках их элиты стали энергично добиваться перераспределения экономических ресурсов в свою пользу. Постоянно возникали конфликты республиканских властей с союзным центром из-за контроля над собственностью. Единая система управления народнохозяйственным комплексом постепенно разрушалась. Разрывались производственные связи между предприятиями. В 1990 году в Советском Союзе начался, поначалу небольшой, спад производства. Реформа цен (февраль 1991 г.), предусматривавшая переход экономики на частично нерегулируемые государством цены, не дала эффекта.

Необходимо было подвести новый фундамент под государственное устройство СССР. Высшее политическое руководство СССР осознавало это. Однако оно, видимо, переоценило запас прочности советского строя и, главное, недооценило масштаб своекорыстия и амбиций национальных элит.

Как известно, российский народный анархизм всегда — оборотная сторона модели народного же государственничества. Бунтарский, антигосударственный пафос преднамеренно подогревался некоторыми элитными группировками. Использовать разбушевавшуюся народную стихию для обретения политической власти — такова была их цель. Ради нее они не останавливались даже перед разрушением собственной страны. Как говорится, готовы были поджечь общий дом, чтобы погреть руки у костра.

Крайне негативную роль в судьбе СССР сыграла позиция политического руководства РСФСР во главе с Б. Ельциным. Под прикрытием вполне законного требования — более полного удовлетворения потребностей населения России — оно фактически торпедировало все проекты Союзного договора. Объективно оно вело дело к разрушению единой страны.

Распад нашей великой общей Родины принес ее народам неисчислимую боль, страдания и лишения. Насколько это компенсируется созданием собственной государственности в республиках? Не лучше ли было сохранить в том или ином виде интегрированные формы общегития на постсоветском пространстве? Превратить полицивилизационную, полиэтническую и поликультурную общность Советского Союза в современную демократию?

Сегодня, оглядываясь назад, есть основания утверждать, что единство страны или, по крайней мере, основной ее части можно было сохранить — на путях глубокого обновления советской федерации. Движение в этом направлении вышло на финишную прямую летом 1991 года. Тогда был подготовлен к подписанию согласованный с большинством советских республик проект нового Союзного договора. Но план реформирования советской федерации был трагически сорван антигосударственным путчем так называемого ГКЧП, организаторами которого явились представители высшего круга номенклатуры. Создавшейся ситуацией воспользовались Ельцин и его сторонники.

В последнее время нередко можно услышать, что Советский Союз вообще нельзя было сохранить, что его распад был обусловлен объективными причинами. Такая точка зрения — следствие сугубо объективистского, механического подхода к истории с ее якобы «железными» законами и правилами. По сути дела, она преследует своей целью обелить подлинных инициаторов развала Союза. Противники Горбачева в руководстве России, Украины и Белоруссии вопреки общесоюзному референдуму поставили

перед собой сугубо эгоистическую цель: свергнуть Горбачева, пусть даже ценой роспуска Союза. Это они и сделали в Беловежской пуще. Таким образом, метя в Горбачева, они попали в Союз. Упразднение Союза стало трагедией для миллионов людей, вдруг оказавшихся не по своей вине за границей.

Противоречия и ошибки. Историческое значение перестройки

Спустя два десятилетия легко рассуждать о том, что в ходе перестройки было сделано не так, в чем ошибались, а где роковым образом сошлись негативные обстоятельства. Но в то время мы, советские люди — от рядовых граждан до руководителей — много не знали и много не понимали. На начальном этапе перестройки остро ощущалось противоречие между необходимостью преобразований, политической волей к ним, с одной стороны, и идеологическими ограничениями, плотно вошедшими в сознание людей, с другой.

Страна находилась в мировоззренческом коридоре, очерченном ее предшествующим развитием. Чтобы выйти за его рамки, приходилось действовать методом проб и ошибок, полагаться на здравый смысл и интуицию. Но цели перестройки оставались неизменными: создать свободное, демократическое, справедливое и гуманное общество.

Вместе с тем первоначальная концепция постоянно видоизменялась и развивалась. В конечном счете, реформаторское руководство СССР вышло на социал-демократическую модель обновления страны. Имелось в виду органическое сочетание ценностей социализма и демократии, социально ориентированная экономика, ответственное государство.

Нельзя забывать, что такие понятия, как рынок, частная собственность, политический плюрализм, свобода слова, приоритет общечеловеческих ценностей, еще долгое время многими воспринимались с подозрением и недоверием. Лишь к 1990 году они вошли в массовый оборот и приобрели позитивную окраску. Но к тому времени возможность реализации социально-экономической стратегии союзного центра была существенно ограничена «суверенизацией» республик, в первую очередь РСФСР.

Во все исторические времена существовала вера в чудодейственное и немедленное улучшение жизни. Однако на деле повседневная жизнь основной массы населения в условиях реформ, как правило, ухудшалась. В годы перестройки для создания социально-политической стабильности в обществе достаточно было заполнить потребительский рынок товарами и услугами. Как показывает опыт других стран «соцсдружества», оживле-

ние сектора услуг, легкой промышленности, сельского хозяйства создавали амортизационную «подушку», смягчавшую неизбежные потери, трудности и лишения, связанные с демонтажем государственного социализма.

Однако доминирование в советской экономике гигантского военно-промышленного комплекса (при слабости сектора услуг и застойном сельском хозяйстве) существенно снижало возможности плавной либерализации хозяйственной жизни, быстрой структурной перестройки экономики. Добиться того же эффекта за счет массового импорта товаров не позволило обвальное падение мировых цен на энергоносители, основную статью советского экспорта. К этому, разумеется, надо добавить упорное сопротивление номенклатуры, нередко игравшей на обострение кризиса, чтобы заставить общество отвернуться от реформаторов. В результате формирующееся общество массового потребления оказалось обделено ширпотребом, что крайне накаляло социально-политическую обстановку в стране. Этот драматический парадокс перестройки был следствием исторически сложившихся особенностей советского общества.

Оглядываясь назад, более отчетливо видишь фундаментальные причины, затруднявшие реформирование советского общества. Неимоверно трудно проводить демократические преобразования в огромной стране, большая часть территории которой находится в суровых и неблагоприятных природно-климатических условиях, а многочисленные народы принадлежат к различным историческим, этнокультурным и цивилизационным традициям. В процессе демократизации быстро оживали и набирали силу разноплановые конфликты и противоречия, накопившиеся за долгую совместную жизнь. Они умело использовались рвавшимися на авансцену беззастенчивыми идеологами и политиками.

На экономической политике негативно сказалось общее ослабление государственных институтов — результат нараставшего противостояния между реформаторским руководством страны и его политическими оппонентами в лице как партийных консерваторов, так и радикальных демократов. Прогрессирующее ослабление систем контроля, правопорядка разжигало стремление значительных слоев номенклатуры к фактическому захвату государственной собственности.

Отрицательную роль в судьбе перестройки и страны сыграли устойчивые, уходящие корнями в глубь веков массовые социокультурные стереотипы. Сюда же можно отнести особенности мировоззрения некоторых элитных групп позднего советского общества. Добровольное и сознательное ослабление жесткого государственного контроля над обществом стало восприниматься не как приглашение со стороны власти к диалогу и сотрудничеству, а как слабость власти, провоцирующая нападки на государство.

Свою роль сыграло и фатальное стечение обстоятельств: Чернобыльская катастрофа, землетрясение в Армении, резкое падение мировых цен на энергоносители — все эти бедствия существенно сузили экономические возможности страны и подорвали воспрянувший было социальный оптимизм населения.

Было бы неверно и нечестно объяснять драматический финал перестройки исключительно объективными факторами и традиционным российским наследием. Немалую роль сыграли ошибки и просчёты перестроечного руководства, действовавшего в условиях жестокого цейтнота и быстро оказавшегося под перекрестным огнем со стороны националистов, консерваторов и радикалов, выступавших единым фронтом в стремлении свалить центральную власть.

До сих пор среди специалистов нет единого мнения о том, были ли реформаторским руководством Советского Союза допущены в ходе перестройки роковые просчеты, которых можно было избежать, или же у М.Горбачева и его соратников в сложнейших условиях 80-х — начала 90-х годов катастрофически сужалось пространство выбора, практически не оставляя альтернатив и возможностей для манёвра.

По-видимому, возможности выбора в рамках проводившихся преобразований все же были, и сделанные ошибки серьезно усугубили ситуацию. Условно эти возможности и ошибки можно разделить на институциональные и административные.

К первой группе следует отнести неудачу реформаторского руководства СССР и КПСС с созданием собственной политической структуры и устойчивой массовой базы.

Хорошо известно, что СССР был «партийным государством», где политико-идеологическая инстанция в лице КПСС и государственные институты были неразрывно переплетены и взаимосвязаны, так что ослабление партии автоматически влекло за собой прогрессирующий паралич государства. Трудно отрицать: несмотря на свою явную недемократичность, этот специфический способ организации власти сыграл немалую роль в модернизации СССР. Партия-государство оказалась довольно эффективным субъектом мобилизационного, ускоренного развития, хотя за это пришлось заплатить огромную цену народных лишений и страданий.

А в относительно спокойной обстановке этот полувоенный механизм начал буксовать. Постепенно он превращался в тормоз развития Советского Союза. В условиях научно-технической революции и вступления мира в постиндустриальную стадию номенклатурный принцип занятия должностей не выдерживал конкуренции с принципом профессиональной компетентности и эффективности. Усложнявшаяся социально-эко-

номическая система не поддавалась, как прежде, директивному планированию. Партия, оказавшаяся в СССР единственным каналом социальной мобильности, критически важным условием социального успеха и поэтому втягивавшая в свои ряды людей самых разных политических взглядов и идеологических убеждений, только внешне выглядела несокрушимым монолитом. На деле это был конгломерат различных политико-идеологических групп: от жестких сталинистов до скрывавших свои взгляды антикоммунистов.

Трагическое противоречие состояло в том, что с «государством КПСС» — наследием уходящей и изживавшейся нами исторической эпохи — мы не могли двигаться вперед, не могли развиваться, но и отринуть его означало подвергнуть страну и общество риску дестабилизации из-за кризиса управляемости и сопротивления консервативной и «бешеной» (реакционной) частей партийного аппарата.

Возможным разрешением этого сущностного противоречия мог бы стать инициированный партийным руководством раскол КПСС и организационное оформление на ее базе партии социал-демократического типа. В случае раскола основная часть членов партии (вне зависимости от их политических взглядов) и ключевые ресурсы мощной организации ушли бы вместе с руководством. Прочно укоренившаяся в советской компартии традиция, когда массы следуют за вождями, сыграла бы здесь решающую роль. На июльском 1991 г. Пленуме ЦК КПСС именно эта идея была положена в основу политической линии. Однако августовский путч похоронил ее, равно как и новый Союзный договор.

Сохранение сильного консервативного течения в верхах компартии вело к тому, что политическое руководство страны нередко запаздывало с принятием назревших социально-экономических и политических решений. Важным эпизодом, как отмечают историки перестройки, было избрание Президента СССР Съездом народных депутатов Советского Союза. Согласно распространенной точке зрения, если бы М.Горбачев избрался всеобщим народным голосованием (в его победе тогда мало кто сомневался), то в решающие моменты 1991 г. высокая легитимность его власти позволила бы ему предпринять более решительные шаги против сил, стремившихся к ликвидации СССР.

К нереализованным возможностям административного характера следует отнести недостаточное внимание к строгому соблюдению законности в рамках политического процесса, необходимой для сохранения общественной стабильности. Последствия этого недостатка проявились в ходе многочисленных этнических конфликтов, начиная с резни в Сумгаите в 1988 году. Не были приняты все необходимые меры по преследованию и

наказанию инициаторов погромов, расформированию незаконных военизированных групп. Высокоморальная позиция Горбачева, считавшего абсолютно недопустимым кровопролитие в процессе реформирования страны, была воспринята как проявление слабости центральной власти, не применившей вовремя силу в рамках закона.

Столь же серьезные последствия имело ослабление контроля государства за соблюдением законов. Авантюристическое крыло демократического движения внедряло в общественное сознание тезис о том, что государство в России и Советском Союзе — по определению враг демократического прогресса. В результате сложилась ситуация, когда нарушение законов становилось нормой, а реальное влияние в экономике стали прибирать к рукам мафиозные группировки, заинтересованные не в создании нормальной рыночной экономики, а в криминальном разделе государственной собственности.

***

Наконец, об историческом значении перестройки. Важным ее итогом стало преодоление международной изоляции, которая фактически на протяжении всего советского периода характеризовала отношения нашей страны и большей части мира, тяжелым бременем давя на экономику и создавая психологическую напряженность в жизни буквально каждого человека. В то же время для международных отношений открылись новые перспективы, возникли предпосылки для создания нового, демократического международного порядка, основанного на принципах международного права, солидарности и сотрудничества в решении проблем всего человечества.

Если отбросить словесную шелуху и идеологические нагромождения, то перестройка была одновременно как стихийным, неосознанным, так и сознательным, целенаправленным движением в направлении синтеза позитивных черт — социализма и капитализма. От социализма она должна была позаимствовать социальную справедливость и разветвленную систему социальной защиты, дополненные гуманистическим пафосом, от капитализма — возможности организации эффективной экономики и политической демократии.

Не столь важно, как назывался бы этот синтез, главное, что эта попытка грандиозного социального творчества стремилась преодолеть «проклятое» противоречие между эффективностью и справедливостью, что она была призвана показать неисчерпаемость человеческой истории, вывести человечество как вид на качественно новый уровень реализации своего потенциала.

Делая общий вывод, можно сказать, что в ходе перестройки удалось качественно изменить существующее советское общество, придать ему новое, демократическое измерение. Несмотря на сопротивление различных политических сил правого и левого толка, перестройке, в конечном итоге, удалось сделать главное — создать реальные предпосылки для функционирования в СССР социал-демократической модели общества. В этом, на наш взгляд, и состоит ее историческое значение.

По-своему перестройка была историческим подвигом: ведь советское общество освободилось от тоталитаризма своими силами и открыло путь к свободе и демократии многим странам и народам

Перестройка, перечеркнув сталинское наследие, принесла свободу Центральной и Восточной Европе, дала шанс на демократическое развитие постсоветским государствам. Перестройка нанесла ощутимый удар по диктаторским и авторитарным режимам во всем мире.

При весьма амбивалентном отношении к перестройке как таковой наши соотечественники высоко ценят ее завоевания, прежде всего в сфере гражданских и политических прав и свобод. До 70-80% россиян в той или иной мере разделяют и поддерживают базовые демократические ценности, привнесенные в нашу жизнь перестройкой. Остается высоким и уровень одобрения многих внешнеполитических акций перестроечного периода.

Перестройка создала предпосылки для трансформации международных отношений на основе идеалов мира, свободы, справедливости. Однако после недолгого переходного периода в мировой политике вновь активно реализуются подходы, основанные на корыстном расчете, эгоистическом интересе, грубой силе.

После распада Советского Союза руководители стран Запада, и прежде всего США, воспользовались изменившейся ситуацией для одностороннего укрепления своих позиций. Результатом стали, в частности, кровопролитные конфликты в сердце Европы — на Балканах, сохранение взрывоопасной ситуации на Ближнем Востоке, превращение Афганистана и некоторых других стран в рассадник терроризма, обострение проблем экологии, СПИДа, тяжелые гуманитарные кризисы в Африке и других регионах.

В то же время было бы преувеличением утверждать, что такие подходы сегодня доминируют. Созданные перестройкой предпосылки и открытые ею перспективы — это не просто «заявка на будущее», а продолжающий действовать фактор, препятствующий скатыванию мира в новую конфронтацию и напоминающий о примере реального сотрудничества в решении сложнейших международных проблем, который навсегда связан в истории с перестройкой.

Перестройка и современная Россия

Перестройка завершилась в конце 1991 г.: если до этого шло реформирование (пусть коренное) старой системы, то после на повестку дня встало создание принципиально иного строя. Современная Россия (как, впрочем, и другие постсоветские государства) в определенном смысле родилась из перестройки, хотя взаимного родства они не признают и друг друга чужаются. Для посткоммунистической элиты перестройка — как кость в горле: что сказать о ней — непонятно, а лучше всего поскорее забыть. Тем более что многие деятели ельцинской эпохи приложили руку к крушению перестроечного проекта.

Чисто внешне новой Россией были унаследованы многие атрибуты перестроечной политики и риторики. Более того, некоторые характеристики горбачевского наследия (например, курс на сближение с Западом) приобрели поначалу гипертрофированный, даже гротескный характер. Другие (например, гайдаровские реформы) подавались как преодоление нерешительного, половинчатого курса союзного руководства.

Однако несмотря на инерцию столь мощного исторического феномена, как перестройка, в сущностном, принципиальном плане между нею и последовавшей за ней эпохой разверзлась пропасть. Если перестройка привела к высвобождению демократического потенциала советского общества, то 90-е годы и начало нового столетия были ознаменованы стремлением к выхолачиванию этого потенциала и низведению наших сограждан до роли послушной клаки в театре элит. Если экономическая стратегия перестройки предполагала «мягкое» вхождение в рынок при сохранении мощной социальной защиты, то «шокотерапия» Ельцина-Гайдара разрушила социальный и культурный мир России, в одночасье свергнув миллионы россиян в унижительную нищету. На смену раскрепощению хозяйственной инициативы с целью повышения жизненного уровня всего населения пришло сверхобогащение немногих за счет большинства населения.

Второй президент России постарался освободиться от наиболее одиозных черт политического наследия своего предшественника, но не покушается (пока?) на многое из того, что связано с системой «дикого капитализма». В результате многие разрушительные процессы, запущенные в 90-е годы, еще не остановлены, тем более не обращены вспять.

Если перестройка предполагала постепенную трансформацию Советского Союза посредством его политической и экономической децентрализации, но при сохранении единого государства, то в начале 90-х годов произошло целенаправленное разрушение СССР, насильственный разрыв связей между бывшими советскими республиками и людьми. Это стало

одной из главных причин масштабного и глубокого кризиса, поразившего все постсоветское пространство.

Социальный оптимизм второй половины 80-х годов сменился социальной, социокультурной и антропологической деградацией последних пятнадцати лет, результатом чего стали беспрецедентные для мирного времени человеческие потери России, сравнимые с гибелью населения в годы гражданской войны.

На этом негативном фоне рельефнее проступает значение перестройки не только как последней главы советской истории, но и как недописанной главы истории мировой. Она навсегда останется в памяти как поворотный пункт, потенциал которого еще предстоит реализовать.